

Н.В. Уваров

Вологодчина в русском фольклоре

Былины, сказки, народные песни,
пословицы и поговорки, легенды, мифы,
сказания, частушки, анекдоты, тосты

Издательство "Инфра-Инженерия"

Николай Владимирович Уваров

Вологодчина в русском фольклоре

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8479245

*Вологодчина в русском фольклоре: хрестоматия, учебное пособие,
книга для чтения. – 2-е изд., испр.: Инфра-Инженерия; Москва; 2014*

ISBN 978-5-9729-0066-4

Аннотация

О Вологодчине собраны воедино былины и сказки, народные песни, пословицы и поговорки, загадки и скороговорки, частушки, анекдоты, тосты. Фольклор, как часть народной культуры, пронизывает все стороны жизни, делая нашу речь ярче и осмысленнее.

Материал может быть использован краеведами, студентами и учеными, всеми, кто ценит и сохраняет культуру края, кто бережет славянские традиции.

Содержание

Предисловие	5
Сила народного слова	6
Былины	11
Аксёнок	11
Арсёнок	16
Щелкан Дюдентевич	48
Небылица про щуку из Белого озера	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Владимирович Уваров Вологодчина в русском фольклоре

© Уваров Н. В., 2014.

© издательство «Инфра-Инженерия», 2014.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

В. Сергеев. Русь православная.

Сила народного слова

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, весёлые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, говорившиеся нараспев, под звуки струн, о славных подвигах богатырей, защитников земли народа – героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

А.Н. Толстой

Кто-то из великих сказал, что для человека звук его имени является самым важным, желанным и сладостным. Перефразировав этот афоризм, я бы сказал, что и звук его родины, местности, где он родился, рос и мужал, так же приятен и волнителен для любого русского человека. Родина всегда мне мила и дорога. У меня каждый раз начинается учащенно биться сердце, когда я слышу название моей родной деревни – Викторovo. При упоминании Великого Устюга я вслуши-

ваюсь в речь земляка, умиляюсь нашим говором с неповторимым «о», всегда помню о первом в моей жизни городе.

Вологодчина... Что может с ней сравниться? Нет лучше озер и рек, лесов и лугов, чем в моем родном краю. А люди? Что ни человек, то характер, что ни женщина, то красавица, что ни ребенок, то чудо северной природы.

Не боясь пафоса, скажу, что я люблю свою малую родину, горжусь ее величием, грущу, когда вижу убогость, плачу, когда слышу отчаяние и безысходность, надеюсь на вологжан в пору подъема силы духа. Я с почтением отношусь к культуре, древней по своей истории, доброй по своей сути. Культура проявляется и ярко выражается, прежде всего, в устном народном творчестве.

Тема исследования – сбор фольклорного материала, в котором упоминается Вологодчина как географическое название края. Этот букет народного творчества – былины, сказки, песни, пословицы и поговорки, легенды, мифы, сказания, загадки, скороговорки, частушки, анекдоты, тосты – должен стать хорошим подспорьем при изучении истории и культуры области.

Актуальность работы заключается в том, что в последние годы коверкание русского языка принимает угрожающий размах. Небрежное отношение к языку, несомненно, взаимосвязано с политическими, экономическими, социальными и другими явлениями в обществе. Состоявшаяся открытость России позволила буквально хлынуть к нам так на-

зываемой свободной культуре. Мы принимаем ее, если она отвечает нашим идеям, нашей нравственности. Из уст вроде бы грамотных людей приходится слышать: «...Как гласит русская пословица, нельзя класть яйца в одну корзину». В том особой беды нет, что мы английскую пословицу принимаем за свою. Но беда в другом: через народное творчество с запада идет к нам культ насилия, обогащения любым путем, культ грубости, секса и другого, что еще в недавние времена нам и не снилось.

И внутренние факторы влияют на нашу речь. Россию в девяностые годы минувшего века называли криминальной. По некоторым данным, до двадцати процентов мужского населения России прошли с 1990 по 2005 год через тюрьмы, лагеря, зоны, суды.... И они принесли нам жаргон, который используют и весьма высокие государственные мужи.

Мягко говоря, легкое отношение к русскому языку мы наблюдаем в газетах, слышим на радио, телевидении, с высоких трибун. Даже выходят книги про косноязычие иных политических деятелей. Как тут не вспомнить шедевр такой словесности: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Борьба за чистоту языка, как мне кажется, шла всегда и с переменным успехом. Отрадно, что к этой борьбе подключилось и правительство Российской Федерации, которое объявляло 2007 год годом русского языка. Хотелось бы надеяться, что эта борьба не будет ослабевать.

Объект исследования – русский фольклор на различных

этапах своего развития.

Цель исследования – собрать воедино, обработать, учесть яркие выражения, мудрые мысли, тонкий юмор, жесткую сатиру... Мной сделано немало, и все же закончить работу по сбору фольклора попросту нельзя, ее можно лишь приостановить.

Задача исследования состоит в том, чтобы обеспечить выполнение поставленной цели. Для этого из года в год записывал пословицы и поговорки, песни, стихи, легенды и мифы, частушки, анекдоты и тосты. Всегда имел при себе специальную книжку для записей. Находил любопытные высказывания среди учителей и краеведов, студентов, горожан и сельчан, писателей и поэтов, ученых и артистов... В сборе материалов мне помогали в разное время с десятков корреспондентов в различных районах Вологодской, Новгородской, Архангельской областей. Использовали средства массовой информации, различную литературу.

Новизна результатов работы заключается в том, что удалось собрать такое количество изречений, которых не имели ученые и исследователи в едином сборнике до сих пор.

Значение научной работы заключается, прежде всего, в том, что были введены в оборот сотни изречений и элементов фольклора, которые наверняка будут использованы гуманитариями. Вот лишь один пример. В 1965 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга «Сказки, песни, частушки Вологодского края» под редакцией В.В.

Гуры в серии «Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края». В издании помещена одна тысяча пословиц, распределенных по темам. Так вот, тогда были выделены семь пословиц под темой «Местные». Больше подобных публикаций не было. В 2001 году мною в книге «Великий Устюг в русском фольклоре» опубликовано четырнадцать пословиц. Сейчас мною собрано восемьдесят изречений, связанных по тематике с Вологодским краем.

Практическое же значение работы может проявиться у людей, которые чтят русский язык, стремятся использовать лучшие его качества, а, значит, хотят быть добрее к людям, уважать себя и своих близких, творить разумное и вечное. Особенно это важно в воспитании подрастающего поколения, которое легко впитывает в себя все лучшее в российской словесности. Учебным заведениям посоветовали бы открыть, к примеру, факультативные курсы по изучению русского фольклора или использовать иные формы воздействия на будущих специалистов, которые, придя в коллективы сельчан, да и горожан тоже, сумеют лучше понимать народ через его язык, ценить деловые, нравственные, житейские качества человека.

Былины

Аксёлко

Ой поехал Аксёнышко в чисто поле.
Да завидел – в чистом поле огонь горит,
Ай, огонёчек горит малёхонько,
Как встават в чистом поле – дымок встават,
Ай, дымок встават в чистом поле тонёхонько.
Как сидит сорок воров, сорок разбойников,

Как делят они денег сорок тысяч:
Как пограбили Микулушку Можайского.
Как говорил Аксёнок таковы речи:
«Ой, же вы, сорок воров, сорок разбойников!
Дайте-ка мне долю хоша третью часть».
Говорят сорок воров, сорок разбойников:
«Не дадим тебе, Аксёнышку, доли третьей части».
Говорит Аксёнок во второй наклон:
«Ой, же вы, сорок воров, сорок разбойников!
Дайте-ка мне денег хоша пять рублей.
Ой, со похмелья у Аксёнышка голова болит,
Ещё нечем Аксёнышке опохмелиться», -
«Не дадим тебе, Аксёнышке, денег ни копейки».
Говорил Аксёнок таковы речи:
«Ой, же вы, татары немилостивы!
Вам со старого у меня взять нечего.
Как у старого у меня, у седого
Медная пуговка в пятьсот рублей,
Как вторая пуговка да в целу тысячу,
Ой, самой куньи шубы числу-смету нет,
Числу-смету нет, да ей цены тут нет».
Тут татары тут задор берёт,
Они начали на Аксёнышка поскакивать,
Ай поскакивать, Аксёнышка похлопывать.
Как хватал Аксёнка татары за желты кудри,
Ай, как начал татары помахивать;

Как помахивает да сам пощалкиват:

«Уж ты жиловат, татарин, – не перервёшься,
На семи суставах раздаваешься!»

Как прибил сорок воров, сорок разбойников,
Обирал у них денег сорок тысяч;

Тогда поехал на царёвы вольны кабаки.

Как заехал во тот город во Вологду.

Он не только сам-то пьёт, сколько голей поит,
Ещё тех голей кабацких.

Ой, пропил Аксёнка денежек сорок тысяч.

Как удумали народ волокжана,

Как пограбил, будто Миколушку Можайского.

А соорили гряточку дубовую,

Сторожили петельку шелковую.

Говорит Аксёнка таковы речи:

«Ой же вы, народ волокжана!

Дайте-ка мне чару зелена вина,

Ещё мерою да полтора ведра».

Ай, давали чару зелена вина:

Выпивал Аксёнка на единый дух.

Говорит Аксёнка во второй закон:

«Ой, же вы, народ волокжана!

Дайте-ка мне чару полвтретья ведра».

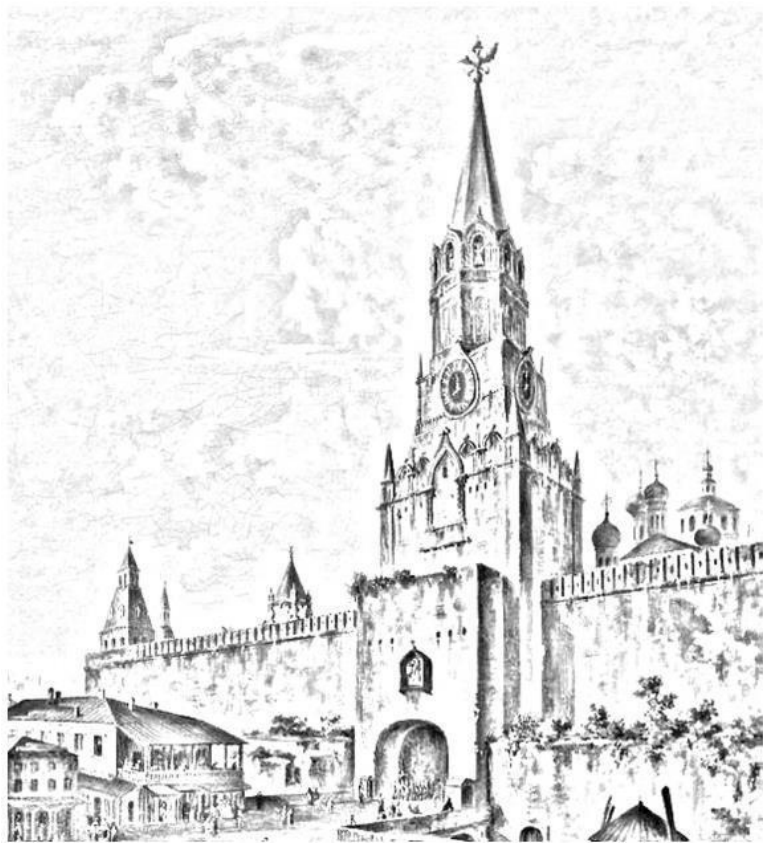
Выпил Аксёнка на единый дух.

Говорит Аксёнка во третей закон:

«Ой же вы, народ волокжана!

Дайте-ка мне чару полшеста ведра,
Ой, же вы, народ волокжана,
Чтобы мне не только было страшно в петлю сунуться».
Ой, давали чару зелена вина,
Ещё мерюю ли чара в полшеста ведра.
Выпивал Аксёнка на единый дух.
Ой, тогда Аксёнка стал навеселе,
Вырывал он грядочку дубовую,
Сорывал петельку шелковую,
Говорил Аксёнка таковы речи:
«Ой, же вы, народ вологжана!
Вы бежите-ка, куда у вас да голова несёт».
Как пошёл Аксёнка на те царёвы вольны кабаки,
Обирав он денежек сорок тысяч;
Как седлал, уздал своя добра коня
И поехал во Киев, в славен Киев-град,
Ко тому ко солнышку Владимиру.
Только видели Аксёнка седучи,
Как не видели в чисто поле поедучи;
Только жёлтые песочки столбом ставятся.
Не дорогами да не воротами -
Через те ли стены городовые.
Как приехал во Киев, в славен Киев-град:
«Здравствуй, солнышко Владимир столен киевский!
Я поездил далече во чистом поле.
Я завидел в чистом поле – сидит сорок воров,

Как сорок воров сидит, сорок разбойников;
Я обрал у них денежек сорок тысяч».

Москва, Кремль. Автор неизвестен. Гравюра 17 века. **Русская земля начинается с кремля**

Арсёнок

**(Как вздумал Грозный царь Иван Васильевич
сделать Вологду второй Москвой.)**

А и как задумал Грозный царь Иван Васильёвич
А и он построить-то, сделать Вологду второй Москвой, -
А и вот не сделал царь ведь и Вологды второй Москвой.
А и почему же он не сделал, царь, второй Москвой?
А когда стоял он во Божией церкви у обедни он,
А и во ту пору, во то времечка упал кирпич,
А и с потолков упал кирпич на царя на Ивана Васильёвича, -

А и он оставил всю построечку вот второй Москву,
А и призадумался царь тогда да он же думушкою:
«А не велит, верно, ведь и Бог строить второй Москвы,
А и как велит да Бог владеть да всё одной Москвой».
А и он не сделал, не соорудил хоть второй Москвы,
А и всё же он сделал на то место Божью церковь,
А и вот Божью церковь соорудил он, Николин храм,
А и как положил денег вкладом сорок тысячей;
А и как соорудил храм Николин хорошо же он,
Ай изукрасил, снарядил его по хорошему,
Привёл в такое ведь и очунь в удивленье:

А ишшо стали-то народ-люди дивоватисе,
А и как они же стали всё отовсюль скоплятисе,
А посмотреть хотели ведь и все люди второй Москвы,
А ишшо второй Москвы хотели они, Божьей церкви.
А вот и пришла-то эта славушка по всем городам,
А и как дошла ета ведь славушка до деревеньки
А и как ведь и жил-то, был ведь и мужик-от деревень-
ской-от,

А и как мужик-от был-жил – звали всё Орсёнушко,
А и как Орсёнушко-то был да всё вдовой сын.
А и как Орсёнушко от батюшка-та малёшенек осталсе всё,
А и как возростила его родимая матушка, А и он как хо-
дил-то всё,

Оксёнушко, в тёмны леса, А и как стрелял, стрелял
Орсёнушко куницъ-лисицъ. А и один вечер-то
Орсёнушко пришёл он из тёмных лесов,
А и как увидел тут Орсёнушко: народ идет, ведь и копит-
се-то всё кучею,

А и меж собой-то всё народ-люди разговаривают.
А и подошёл-то наш Орсёнушко близёшенько,
А и подошол-то к йим Орсёнушко, низко кланелсе:
«А уж вы здравствуйте, народ же, люди добрые,
А и вы про што, про што, народ-люди, разговор водите?
А и уж вы водите розговор, всё разговариваете?»
А и отвечали мужики тут всё Арсёнушку:
«А и говорим-то, разговор ведём, Арсёнушко,

А мы про ту ли судим всё же про втору Москву, -
А и хороша-то всё построена втора Москва!
А и не Москва-то всё ведь и в Вологды построена,
А и не белокаменна во Вологды уделана,
А и он состроен, сделан чудной храм Осподен-от,
А и на Николу-ту ведь и храм етот состроен-от,
А и хорошо же храм ведь и весь он изукрашонной,
А и как положено денег вкладом сорок тысячей.
А и велико только несчастье случилось,
А подломили-то всю же вот втору Москву,
А и как втору Москву, Николин храм
А и вот забрали всю же сумму, сорок тысячей, -
А и всё ли жертвенье было же всё пожаловано
А и как самим Грозным царём Иваном-то Васильёвичём.
А и теперь-то ищут всё воров, ищут-дознаваются
А и как ли тих ли всё воров, ноčných разбойницьков;
А и не могут-то найти воров-разбойницьков,
А и вот не могут-то найти ноčných подорожницьков».
А и поговорили-то народ и пошумели тут,
А и разошлись-то народ весь и скоро по домам своим.
А и Арсёнушко-то, сдал свою добычу он,
А и он ведь продал он куниц-лисиц,
А и набрал, купил товару-то разного,
А и он пошел к родимой своей матушки,
А и ко родимую ко своей же он ко сестрици;
А и он пришол-то, рассказал же родной матушке,

А и то он слышал, — говорили мужики тогда.

«А уж ты ой еси, родима моя матушка,

А испеки-ко мне, сыночку-ту, подорожничьков!

А и я пойду, ведь и матушка, в дорожонку,

А я пойду, родима, в прямоезжую».

«А ты куда, моё дитя же, собираешься?

А и ты в каку же в путь, в дороженьку отправляешься?»

«А и собираюсь, мать, в дороженьку в очунь чудную,

А и очунь чудную дорожонку во дальнюю,

А и хочу сходить я, матушка, далёко,

А и я хочу-то сходить в Вологду во город-от,

А и посмотреть хочу сходить да я второй Москвы,

А и как второй Москвы хочу же я, Божьей Церкви».

А и говорила-то ему его родна матушка:

«А и как ведь Вологда-та город есть не близок-от,

А и как втора Москва смотреть да не допустят-то,

А и там ведь есть много-то народу-ту приезжего,

А и приезжего народу-ту, приходящего».

«А и ничего же ето, матушка, ведь всем ровно,

А и я хочу же, мать, дак посмотрю второй Москвы».

«А в чём пойдёшь ты, дитя моё, в дороженьку?

Вот в дороженьку пойдёшь же ты на славной город-от на Вологду?

Как до Вологды до городу итти же все не мало есь,

До второй Москвы, дитя, да не близко есь,

А у тебы-то нету платица-то цветного,

А чтоб зайти-то было в чём же во Божью Церковь».
«А и там ведь платица-то цветного не смотрят-то,
А и как идут, идут ведь и там люди богатые,
Хорошо идут они же приодетые,
А и тут идут же всё ведь и люди идут странники, -
Это всё одно заходят-то во Божью Церковь».
Как тут говорила же ему же родная матушка:
«У тибя-то, мой сыночек, некого же нет,
Не дружьей твоих ведь и нет же, не товарищей,
Чтобы было с кем пройти же путь-дороженька».
«Мне не надоть-то, мать, никаки дружья-товарищи,
Я найду же всё годин же путь-дороженьку».
Тут не стала боле матушка разговаривать,
Стала тут родима снаряжать его,
Снаряжать его же стала да во дорожонку,
Напекла с собой ему она подорожничьков,
Вот наклала она во суночку, в котомочку.
Что было, всё по утру-то по ранному,
По восходу было сонця тут ведь красного,
Как поел, поел Орсёнушко, позавтрокал,
Он помолился-то тогда же Богу-Осподу,
Пресвятой же Божьей царицы-то Богородицы,
Он простился-то со матушкой родимою,
Со своей-то он со сестрицей с любимою,
Он ведь взял в руки дубиночку из темна леса,
С которой ходил-то всё Орсёнушко во тёмны села,

Вот пошел-то наш Орсёнушко в дорожочку,
Во дорожочку пошел он всё во ту самую,
Котора же вела же и на Вологду.
Шол-то, шол-то нага Орсёнка с утра до вечера;
Как вечерней-то порой да было, тем времечком,
По орсёнковой-то было, верно, учести,
Находила-то, накаталась туча тёмная,
Туча тёмна-та накатилась очунь грозная,

Русские войны XVI века

Тут ведь падала погодушка великая,
Вот напал, напал туманушка ведь очунь-то,
Очунь страшной туман да он по всем горам,
Он по всем-то всё горам да всё ж тёмным лесам.
И сделалось Орсёнушке тоскливо да скучно-то,
И кругом-то ни зги не видать, ни голосу не слышать.
Тут раздумалсе Орсёнушко-то сам с собой:

«Ишше ладно ли иду я, и может быть, не ладно тут?»

Вот пошел Арсёнушко, своротил же он с дорожки,

Вот ушел, ушел далёко-то во тёмны леса.

И вот сбился-то, ведь спуталсе с дорожки,

Как ведь шол-то, шол Арсёнушко незнамым путём же
шол, дорожкой.

Вот настигла-то его ж ночь тёмная,

Привелось-то всё Арсёнушко ночевать тогда,

Ночевать тогда Арсёнушку в тёмных лесах,

А во тёмных-то ему лесах да во сырых борах, -

Вот зашел у нас Арсёнушко в сырой же бор,

Вот он выбрал-то елиночку, которая густа была,

Он всё сделал-то себе же тут ведь хаточку,

Вот ведь хаточку себе да на ночлег же тут,

А и зашел, зашел ведь и скоро под елушечку.

А и он покушал-то, поел своих подорожничков,

А и он тогда-то ведь, Арсёнушко, на отдых же лёг,

А на отдох-то он ведь и лёг да хотел спать тогда.
А и он ведь спать не спал, да только так лёжал,
А и он ведь так-то лёжал, все лёжал да выслушивал;
А и услышал Гарсёнушко, прислушалсе,
А и он услышал-то ведь топать-ту ведь страшную, -
Мать сыра земля ведь всё же колебаласе,
На деревьях-то эти листочки шевелилисе,
А и услышал-то скоро гам, разговор весь громкий был,
А и увидел-то тут Арсёнушко ведь коней проезжающих,
А и со возами-ти ведь ехали с высокима,
А и как за имы-то видь и шли обозы страшные,
Как поехали мимо Арсёнушка-те самого.
А и тут Арсёнушка лежал же призадумалсе,
А и полёжал-то он немного, стал вставать тогда:
«А и если-то я-то здесь, дак всё просплю же я».
А и ставал, ставал Арсёнушко, подымалсе он,
А и одевал-то вон суночку-котомочку да за плечи,
А и брал ведь свой-то он ведь и посох во руки-ти,
А и как пошел ведь вперёд, пошел Арсёнушко, поглядыват.

Впереди-то что ему же, скажом, видитса,
По-за ём-то видь, скажом, оставаитсе,
Во серединушки-то что же вот ведь видитсе, -
Увидал-то он зарево-то чудное,
Оно горело-то, ведь и зарево, огнём же тут.
Как увидал же когда Арсёнка-то большо зарево,

Он пошел, пошел к етому-ту зареву;
Подходить-то как ведь стал же он по близости,
Увидал-то ведь очунь чудо чудное:
Много коней-то ходило в лугах же тех,
А и как сидели тут, сидели много разбойницьков,
Как сидело много ночних же подорожницьков,
Тут расставлены были у них же всё белы шатры,
Розоставлены были палаточки дубовые,
Тут стояли-то у шатра столички дубовые,
Как стояли тут скамеечки дубовые,
На столах-то ведь чего было накладено,
Выпивали, пили всё зелено вино,
Зелено вино они же, пиво пьяноё.
Подошел-то наш Арсёнушко, остановилсе он,
Приостановилсе он, стоял же всё высматривал.
Как разбойницьки-ти попили-покушали,
А другие разбойницьки варили ужну ужнати;
Атаман-от с есуилом-то сидели тут,
Вот сидели они, ведь и всё же дел вели же свой:
Вот на первой-от ведь и дел клали красно золото,
Они клали-то ведь красно золото,
На второй-от дел ведь клали-то чисто серебро,
А на третий-от дел ведь клали дорогой жемчуг.
Подошел к йим Арсёнушко близёхонько,
Говорил-то йим с весёлою улыбочкою:
«Здравствуйте, здравствуйте, дородни вы добры молодцы,

Добры молодцы, те вы же всё камышнички!»

Атаман-от ведь тогда да огленулсе-то,

Огленулсе-то, сказал же всё Арсёнушку:

«Ты откуда взялся, мужик-от простой же, деревенщина?

Как тебе разве, деревенщина, не охота болыни в свети

жить,

Что ведь сам же ты вот пришол да принёс свою же вот да
ведь голову?»

Отвечал тогда Арсёнушко атаману-та:

«Не на смерть я ведь пришол, да атаман, скажу, -

Я пришол ведь с тобою повидатисе,

Повидатисе-то с тобой я, познакомиться:

Ты возьми, возьми меня к себе в камышнички,

Во камышнички возьми к себе в дружиночку,

Как ведь мне же, деревеншину, во дел возьми,

Уж ты дай-ко на меня теперя полный пай!»

«Какой хитрой ты, мужик же деревенщина,

У нас много лет служат да паи не скоро есть!

Не дадим тебе, деревенщина, пая полного».

«Дайте, дайте мне тогда хоть ведь пол-пая;

Пол-пая не даете, – давайте полный пай!»

«Не дадим-то тебе же пая полного».

«Тогда давайте мне, камышнички, мне-ка треть пая!»

Не давали-то ему ведь треть пая.

Как просил-то гон ведь их да хошь ведь четверть дать, -

Не давали ему пая четверти.

Говорил тогда Арсёнушко таковы слова:
«Вы возьмите-тко, буду я даром жить в камышничках!»
Атаман тогда с камышничками переговорилсе он;
Закрыщали, зашумели все камышницьки:
«Немалу хочешь у нас шутить шуточку, атаман же наш,
Пренять хошь ты мужика же, деревеншину:
Во-первых-то он не знает о наших делах камышнеческих,
Во-других-то гон запутат нашо дело всё, -
Он ведь стретит-то кого из мужиков же где,
Разболтат-то всё, расскажет, где-ка мы живём,
Заберут-то ведь всех же, поймают-то,
Как живых-то нас ведь и боле не оставят тут.
Как берите лучше мужика же, деревеншину,
Его надо же, атаман, скорей прикончити!»
Отошол атаман да сел он же на своё место,
А как приказал тогда гатаман да забрать его,
Забрать его, запутать в пугани в шелковые,
Вот задёрнуть его в арканы-ти в железные,
Тогда велел-то отрубить ему с плеч буйну голову.
Тут разбойницьки-ти скоро не ослышались,
Подходить-то они начели к Орсёночку;
Сперьва, сперьва подходили по одному тут,
Как потом же подошли же гони по два-та,
А потом уж как ведь стали они по пять же всё, -
Как Арсёнышка никак забрать не могут тут.
Закрычал тогда на них да гатаман же йих:

«Вы как шуточно берёте, да я смотреть не могу на вас!»
Вот когда разбойнички стали подходить челым десяточком;

А и тут не лютое зелье разгорелосе,
Богатырско-то ведь и сердце-то растревожилось,
Лепота в его лица перемениласе,
Могучи плечи его же шевелилисе,
Он выхватывал тогда да всё стоячей дуб,
Что стоячей-то он дуб да всё со кореньём,
Он сделал тут дубиночку немалую,
Он ведь и начел етой дубиночкой помахивать,
Вот помахивать дубиночкой, похаживать.
Он в праву руку махнул, – валилася улица,
Волево-то отмахнул, валились переулочки;
Он прибил-то, разбил же всех разбойнищков,
Он прибил-то ведь разбойнищков петъсот человек,
Он брал тоща у разбойнищков добра коня,
Он ведь брал свою дубиночку, поехал тут.
Ехал-то не мало, не много времени,
Как наехал тут он на камышничков,
Тут камышничков да было шестьдесят же их, -
Перебил-то всех камышничков Арсёнушко.
Он ведь ездил всё трои сутоцьки,
А во многих-то местах убивал камышнищков,
Перебил-то всех камышнищков-разбойнищков,
Перевёз ихно именицо в единое,

Вот в единой-то всё в место во первой.
Тут ведь сошёл тогда Арсёнушко со добра коня,
Он поел, поел тогда да сам покушал-то, -
У разбойничьков всего было ведь вволюшку,
Было много-то у них же мяса разного,
Было много-то у них мук и круп же тут,
Тут ведь было разных водочек – каких хочешь пей;
Как попил-поел Арсёнушко, скоро спать же лёг,
Он ведь спал-то лежал, не знат и сам сколько.
Когда проснулсе-то, пробудилсе всё Арсёнушко:
«Я ведь думал, что хожу я во втору Москву,
Не сходил я ведь вот и всё же во втору Москву;
Нагрешил грехов ведь и много вот теперь в делах.
Зато очистил хоть свою сторону от гибели.
Я не знаю же теперь, ишшо Арсёнку делати?
Не накласть ли всё Арсёнушко много золота,
Мне-ка сесть ли всё, Арсёнушку, на добра коня?
Не доехать-то до деревни, мне спустить коня?
А и как тогда сказать мужикам же деревеньским-то:
«А и не спуталсе ли с дорожки славной вологодской,
Не попал ли Гарсёнку во втору Москву».
А и только нехорошо будет Арсёнушку на свете жить,
А и что скажу-то ложь-неправду своему народу;
А и во вторых будет Арсёнушко неприятно, мне,
Что пошёл, пошёл ведь и я же на втору Москву,
А и не посмотрел-то я ведь и ей, да так прочь ушёл».

А и тут раздумалсе Горсёнушко на другой же ум, -
А гон ведь ету-ту ведь и суночку с золотой казной:
«А не попаду ли я на дороженку в славну Вологду,
А и в славну Вологду, не попаду ли я, на втору Москву,
А и отнесу-то его золото в подареньицо,
А и в подареньицо положу на втору Москву».
А и он ведь зачел-то розбирать тут красно золото,
А и он ведь начал-то смотреть же чисто серебро,
А и зачал всё ведь вешши-ти пересматривать, -
А и в атамановых документах нашол же он,
А и нашол же он ведь и деньги-ти сорок тысячей;
А и завертел-то деньги он же йих в бумажочку,
А и спустил деньги-ти ведь и ети во глубок карман,
Взял, ведь взял-то свою дубиночку обломанну,
Вот пошел у нас Арсёнушко в дорожочку.
Он ведь шол-то лесом, скажом, очунь скоро тут,
Походы-то он ведь знал, что шол же три часа;

Н. Рерих. Микула Селянинович

Как опекло-то всё его же красно солнышко,
А ведь вышел на дорожку-ту Вологду,
Как на саму-ту, вела она во втору Москву.
Как пришол-то наш Арсёнышко во втору Москву,
Во втору Москву пришол он, во Божью церковь,
Во Божью церковь пришол он, да в Николин храм;
Во второй Москвы Арсёнышко помолился он,
Он ведь клал-то кладом денег золотой казны,
Вот положил эти деньги – сорок тысячей,
Как которые были всё они украдены.
Некого-то в храме не было, не случилось,

Только в храме-то ведь и был да один старик тут;
Как ведь сторож никому про то не рассказывал.
А и как Арсёнышко тогда пошел по городу,
Вот по городу ходил же он, разгуливал,
Осмотрял-то, оглядел да славну Вологду,
Славну Вологду оглядел же он, втору Москву,
Как тогда-то подходил ко царёву-то большому кабаку, -
А у царёва-то у большого славна кабаку,
Тут ведь много-то стояло голи кабацкою,
Вот кабацкой-то ведь голи было, посадьскою.
Подошел к йима Арсёнышко поздоровался:
«Уж вы здравствуйте, ребятушка, голь кабацкая,
Голь кабацкая, ребятушка, посадьская!
Каково же вы, ребятушка, поживаете?
Каково ваше, ребятушка, здоровьице?»
Отвечала тут ведь голь же вот кабацкая:
«Как здоровье нашо всё же у всех – здоровыя;
Голь кабацка-та больни не бываем, мало же».
«У вас болят ли всё головушки с похмельица?»
«А цему болеть головушкам, как не пьём вина?
Нас теперя-то, голь кабацкую, смотреть весьма
А и смотрят-то нас теперь, везде преследуют,
Как с того же всё со самого со времени,
Как подокрали-то у нас же всё втору Москву».
Рассказали-то тогда же голь кабацкая,
Как како пало во второй Москвы ограбленьице:

«Вот не мы же всё ограбили втору Москву -
Как на нас-то всё вони же всё ведь думают».

«Как вы хотите, ребята, выпить-то зелена вина?
Вы пойдёмте-тко, ребята, в большой кабак-от,
Угошшу-то вас, пойдёмте, зеленым вином!»
Заходил-то тут Варсёнушко в большой кабак-от,
Попросил-то тут Арсёнышко у кабацкого,
У того ли всё у молодого человальничка,
Чтобы отпустить ему гон всё же зелена вина,
Зелена же от вина да пива пьяного.

Он рассчитывалсе с целовальничком золотой казной, -
Огледелсе на его молодой человальничёк,
Ничего гон не сказал да так спустил его.

Напилась тут вся ведь та вот голь кабацкая,
Вот кабацка голь ведь вся же всё посадская,
Йим ведь дал-то всё Горсёнушко золотой казны,
Золотой казны ведь и дал же на пропитаньицо.
Как ведь сам Орсёнушко ушел куда оприютиться,
Ночевать бы шол да где ему ночку тёмную,
Он нашол, нашол ведь скоро всё отдох себе,
Ночевать нашол себе скоро ночку тёмную,
У вдовы-то он ведь и стал же на постой тогда.

Скоро, скоро-то прошла весть по всей Вологды, по славну
городу,

Что пришел какой-то мужик, будто деревеньской он,
Надавал-то он ведь и золота голи-то кабацкою,

Он накупил-то ведь и много-то зелена вина,
Накупили голи тут же пива пьяного,
Он немного-то сам ведь пил да всё ведь голь поил.
Тут ведь стали они голь-ту вот доспрашивать;
Отвечала тогда голь-та вот кабацкая:
«Мы не знаем, как его же именём зовут,
Мы не знаем, как звеличают-то по отечесьву».
«Как скажите-тко, скажите, голь кабацкая,
Как куда ушёл ведь и вашей-от знакомой-от?»
Долго не сказывала ведь как голь же всё кабацкая;
Их ведь грозно-то ведь и стали тут выпрашивать, -
Тут сказали-то тогда же голь кабацкая.
Приходили тут ведь старшие-то Вологды,
Находили-то Гарсёнышка у вдовы, его,
Забирали-то Гарсёнышка, увели его,
Засадил-то его же в тёмну темницу,
Засадил его же за замоцьки-ти тяжолые,
А и как за ту ли всё за стражу-ту за старую,
А и как сидел у нас Арсёнушко, засажон же был.
А и вот узнала-то, услышала его родна матушка,
А и затужила-то вона, слёзно заплакала,
А и вот слегла сама же матушка в постелёчку,
А и вот в постелёчку слегла она от горести.
А и как сидел у нас Гарсёнышко в тёмной темнице,
А и засажон был, сидел он три неделёчки.
А когда засадили-то Гарсёнышку в тёмну темницу,

А и заключили его в злодеечку заключебную,

А и вот писали когда ведь скоро грамотку ведь скоропис-
чету

А и господину-ту царю Ивану-то Васильёвичу,

А и росписали всё про славну про Вологду про город-от,

А и про его-то росписали про втору Москву:

«Вот ограбили, ограбили втору Москву,

А твои деньги-ти, ведь и кладом которы были во храм бы-
ли положоны,

А и они тоже были украдены, унесёны же. А не могли най-
ти воров, да кто украл деньги,

А как сечас мы поймали вора-разбойницька,

А и как того ли всё ночного-то подорожницька,

А и как мужика-то поймали, деревеншшину,

А и засадили мы его же в тёмну темницу, -

А и без тибя-то, государь царь Иван Васильёвич,

А мы не знаем, какой смертью казнить виновника».

А и отписал-то скоро царь Иван Васильёвич:

«Э и не казните, не рубите без меня его,

А я хочу-то, царь, да сам же повидать его,

А повидать-то я его, поговорить же с ним».

А и как сидел, сидел Арсёнушко неделёчку, -

А всего времени-то вышло целой месяц тут, -

А не золочёная карета тут проехала,

А и как проехал-то, приехал государь наш царь,

А и государь-от царь Иван же свет Васильёвич.

А и вот приехал царь, поел-попил с дорожочки,
А и стал, стал же государь же царь выпрашивать,
А и вот выпрашивать-то начал он, выведывать:
«А и как дела идут у вас же всё во Вологды?
А и как не сохранили, не сберегли храма Николина,
Вот разбили-то, разбили всё втору Москву,
Вот Москву втору же всё же, вот Николин храм?
Я ведь всё ровно положу денёг снова тут, -
Пушшай будет же тогда опять втора Москва.
Расскажите-тко всё мне да правду сущую,
Как засадили вы в темницу добра молодца,
Мужика же засадили-то деревеньского?
За каки дела вы засадили тут?»
«Потому, государь, засадили мы – не знамкакой,
Он пришол да всё поил да голь кабацкую,
Голь кабацкую поил да он, посадскую,
Он росчитывал се да всё же золотой казной;
Как у каждой-то у голи у кабацкою,
Всё у каждого ведь и есь да золотой у них:
Говорят, шшо дал мужик им деревеньской-от,
Деревеньской мужик йим дал на пропитаньицо».
Тут ведь говорил им же государь же царь,
Государь-от царь говорил Иван Васильёвич:
«Вы берите-тко сечас да золоты ключи,
Вы пойдёмте-тко со мной же в тёмну темницу,
Я хочу, хочу, ведь и царь, да посмотреть его,

Посмотреть хочу его, ведь поговорить же с ним».

Как тогда-то вот пошли да со царём народ,

Отмыкали скоро тут же тёмну темницу;

Заходил-то государь же царь Иван Васильёвич,

Тут ведь кланелсе ему всё Арсёнушко:

«Здравствуй, здравствуй-ко, государь же царь Иван Васильёвич!»

«Здравствуй, здравствуй, мужичок же деревеньской-от,

Я не знаю, как тебя зовут по имени!»

Отвечал тогда ему же всё Арсёнушко:

«Меня зовут-то, государь царь Иван Васильёич,

Меня зовут, зовут ведь всё же вот Арсёнушко,

А по батюшке звеличать же сын Иванович.

Я от батюшки остался очунь малёшенек.

Как взрастила меня же родна матушка,

Я вдовин-то сын ведь всё же есть ведь самой-то;

Не имел же я, Арсёнушко, йменьица,

Я пропитывал свою матушку трудом своим.

Вот задумал я итти смотреть второй Москвы,

Посмотрел-то, слава Богу, я твой славной второй Москвы,

Посмотрел-то я ведь и храму-ту Николина.

Хороша твоя прекрасная втора Москва,

Ишшие есть на што посмотреть-полюбоватисе!»

Закрычали все народ-люди во Вологды:

«Уж ты гой еси, государь Иван Васильёвич,

Ты не хош ли всё спустить на волю-ту разбойничка,

Как ночнёго хош спустить же подорожница?
Он ограбит же опять да не одну Москву,
Он зайдёт, зайдёт во славну твою каменну Москву,
Он ограбит-то ведь и много всего хорошего в каменной
Москвы.

Ты кончай-ко-се скорей, да царь, его же сам!»
«Вы не страшитесь-ко, народ, моей смерти скорою,
Придёт, придёт-то ведь скоро смерть моя своя.
 Попрошу-то смерть ту же всё и я у вас,
Што котора мне какая смерть самому ндравится,
Самому ндравится-та смерть, да всё же хочется.
Уж ты гой еси, государь же царь Иван свет Васильёвич,
Благослови-ко меня же слово-то промолвити,
Как ведь слово-то промолвити, речь говорите,
А мне без той ли всё казни без скорыя,
А и миня без той ли всё без ссылочки без дальнё,
А и мне ли всё без той ли всё насмешечки великою!»
Отвечал ему государь-от царь Иван Васильёвич:
«Говори-ко ты, Арсёнка, что ведь надобно,
Обо всём теперь будет простительнё».
«Уж ты дай же мне-ко смертью помереть такой,
Как такой же мне смертью, какой я хочу:
Уж вы сделайте мне всё же столб высокой-от,
Как ко етому столбу повесьте вы рей высучой-от,
У того ли всё рея да всё высучего
Сделайте мне лисенку, да всё три ступенечки, -

– Я ведь вылезу тогда да на высучой рей,
Издалёка-то народ будет видеть преступника,
Вот преступника-то видеть тут, разбойника!»
Говорил же государь царь Иван Васильёвич:
«Как по твоему ведь и будет-то по желаньицу:
Как ведь сделаю-то столб-от всё высокой-от,
Ко столбу-то всё подвешат-от висучий рей,
Тут ведь сделают-ту лисенку у рея тогда,
Как во лисенке-то сделают три ступенечки,
Отовсюль-то будет видеть тибя, Орсёнушка!»
«Уж ты гой еси, государь Иван Васильёвич,
Как арсёнкова-то смерть будет не милослива,
Немилослива вона, очунь страшная,
Из веков-то в веки будут вспоминать её!»
Пожелал же смерти скорою Арсёнушко;
Приказали тут ведь и делать-то столб высокой-от,
Приказали сделать рей да тут высокой-от,
Вот высокой рей ведь и делать-то высучей же,
Приказали делать и лисенку, три ступенечки.
Вот пошли, пошли, ведь скоро пошли плотники,
Вот ведь плотники пошли скоро работники,
Они сделали, устроили высокий столб,
А к нему же привесили висучой рей,
Как приделали они же скоро лисенку,
Скоро лисенку приделали в три ступенечки;
Как пришли, пришли, сказали государю-ту,

Осударю-ту царю Ивану Васильёвичу:

«Приготовлено тепере всё ведь, сделано,
Теперь можно вести будет деревеншину,
Предавать-то ведь ему да смерть-ту скорую».

Как оделсе государь царь Иван Васильёвич;
Когда вывели Арсёнышка из тёмной темницы,
С ним ведь шол государь царь Иван Васильёвич.
Говорил ему Орсёнко-то таковы слова:

«Уж ты гой еси, государь царь Иван Васильёвич,
Ты прости меня вины-то виноватою,
Как цего же, государь, я вот тебе скажу:
Не спешишь-то ты же скоро вот за мной итти, -
Как пускай же поскорей меня ведут они!
Ты успеешь, успеешь притти да всё на смерть смотреть,
Как увидишь всё мою-ту смерть ведь страшную».

А и народу-ту, Горсёнушко говорил им:

«Уж вы гой еси, народ же, люди добрые,
Как ведь умной-от народ, – дак всё возьмите-тко во внимание,

Не ходите-тко смотреть смерти арсёнковой:

Арсёнушкова смерть будет немилослива,
Немилослива гона же будет, страшная!»

Ишше умной-от народ, дак его же понесли,
Они понесли, назад же они воротились,
А глупой-от народ да всё вперёд бежал,
Они вперёд-то всё бежали да говорили:

«Вот увидим же, ребята, как казнят, казнят преступников!»

Подвели тогда Горсёнушка к рею, его, к висучему,
Заходил тогда Горсёнышко на лисници,
На первую ступень, да он сказал же всё:
«Воротитесь-ко, народ, да разойдитесь прочь!»
Тут ведь некоторой народ, да они понели,
Как ведь понели народ да убегали прочь.
Когда зашел же вон на лисницу, на втору ступень,
Он сказал, сказал народу-ту таковы слова:
«Вот судите-тко меня же всё, преступника!»
Как ступил, ступил ведь Орсёнышко на третью ступень,
Он сказал тогда, сказал государю царю Ивану тогда Васильевичу:

«Благослови меня теперече, государь же царь,
Осударь-от царь Иван же свет Васильёвич,
Как теперя мне, Горсёнушка, перед смертью-ту поработати!»

«Разрешаю, царь, работай, как ведь нужно вам».
Тут не лютоё-то зелье разгорелосе,
Богатырское-то ведь и серцо разгневилосе.
Лепета у его в лица перемениласе,
Могучи плечи его же шевелилисе,
Он хватал, хватал, срывал тогда висучий рей,
Как висучим-то реем зачал помахивать;
Воправо-то ведь махал, – валилась улица,

Волево-то от махал, – валились переулочки.

Вот прибил тут народу много в Вологды.

Говорил тогда ведь Арсёнушко таковы слова:

«Ишшо надо ли, государь царь Иван Васильёвич,

Как оставить ли етой силушки на симена?»

Зыряне. XIX век.

«Как оставь-ко-се, Орсёнушко, ведь силушки,
Вот положь-ко-се на ихну-ту на глупость тут»
Перестал боле ведь силушки-то бить же он.
Все народ-люди ведь тут ужасалисе.
Тут подъехала корета-то золочёная,
Тогда ведь взял-то государь царь Иван Васильёвич
Как Орсёнушка-то брал же за белы ручки,
Человал его в уста же во сахарные,
Пировал-то с ним ведь кушал три сутоцьки.

Вот ведь звал-то всё Горсёнушка жить во матушку в ка-
менну Москву;

Отвечал ему: «Я сейчас же, государь царь Иван Васи-
льёвич,

Как ведь ехать-то с тобой да не поеду я,
Потому што у мня осталась-то в деревни-то родна матуш-
ка,

Родна матушка осталась и родна сестриця,
Нужно съездить-то во деревню попроведати, -
Не поедет если матушка в каменну Москву,
Тогда надоть её ведь и переделать-то старой домичёк,
Чтобы матушку воставить во приюти тут».

Тут давал-то государь царь Иван Васильёвич,
Много-много тут давал он золотой казны,
Вот давал ему ведь и много-много чиста серебра,

Как самого-то звал его же в каменну Москву,
В каменну Москву его да при себе его,
Штобы быть всегда при ём думным боярином,
Без его-то никакого дела зачинать нельзя,
Зачинать дела нельзя без его и кончити.
Распрошшалсе государь царь со Арсёнушком,
Государь-от царь Иван же свет Васильёвич,
Он садилсе тут в корету-ту в золочёную,
Вот уехал он во славну в матушку в каменну Москву;

В. Васнецов. Встреча князя Олега с волхвом

А Орсёнушко поехал в свою деревенку, -
Вот приехал-то Орсёнышко во деревенку, -
Сдивовались все народ же, люди добрые.
Тут ставала родна матушка с постелёчки,
Будто всё она никогда не была не болела-то.
Перестроил тут ведь Арсёнушко свой ведь домичёк,
Часто ездил же Арсёнышко в славну матушку каменну
Москву,

Часто виделсе-то с государем с царём с Иваном-то с Васильёвичём,

Переговоры-ти ведь шли же очунь тайные.

Тут ведь съездил-то Гарсёнушко за камышничками золотой казной,

Как пригнал всех коней тут всё ведь камышничков,

Привезли-то все товары тут ведь разные,

Все ведь всё же он привёз их в каменну Москву;

Присмотрел-то все товары государь же царь,

Осударь-от царь Иван же свет Васильёвич.

Тут Орсёнушко Иванович распрошшалсе-то,

Ко своей ко родной матушке уехал он,

Поживать-то стал со матушкой с родимою, -

Он охвоч ходить, Орсёнышко, в тени леса,

Он охвоч стрелять зверей да всё лесных же всё,

Ишше птицу-ту ведь как разных он на заводях.

Много-много он очистил всё камышницков,

Разных сбеглых-то ведь тут разных преступников,

Много-много было подвигов богатырских тут,
Перестрелочных боёв да числа-счёту нет.
Ишше как той нашої стариனுшке конец пришол.
Славной Вологды-рекой, да ей на тишину,
Славной матушки каменной Москвы на чесь-славу вели-
кую,
Вам, учёным-то людям младым, на прописаньицо,
А от вас пойдёт премладым на рассказаньицо,
А от младых-то пойдёт пропеваньицо.

В. Сергеев. Лошадь в поле

Щелкан Дюдентевич

А и деялось в орде,
Передеялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На черчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылём размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам,
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами столными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея х Костроме,
Одного не пожаловал —

Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, -
Ево дома не случилось.
Уезжал-та млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,

За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сто рублей,
С бояр по пятьдесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которова денег нет,
У того жену возьмёт:
У котораго жены-та нет,
Того самово головой возьмёт.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седлю во тысячу.
Узде цены ей нет;
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога –
Царское жалованье,
Государство величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Не продать, не променять
И друга дарить,

Щелкана Дюдентевича.

Проговорит млад Щелкан,

Млад Дюдентевич:

– Гой еси, царь Азвяк,

Азвяк Таврулович!

Пожаловал ты молодцов,

Любимых шуринов,

Двух удалых Борисовичев,

Василья на Плесу,

Гордея к Вологде,

Ахрамея к Костроме,

Пожалуй ты, царь Азвяк,

Пожалуй ты меня

Тверью старою.

Тверью богатою,

Двомя братцами родимыми,

Дву удалыми Борисовичи. –

Проговорит царь Азвяк,

Азвяк Таврулович:

– Гой еси, шурин мой

Щелкан Дюдентевич,

Заколи-тка ты сына своего,

Сына любимова,

Крови ты чашу нацади,

Выпей ты крови тоя,

Крови горячия,

И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи! –
В та поры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацидил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи,
И втапоры млад Щелкан
Он судьёю насел
В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьёю сидел:
И вдовы-та безчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всем наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-та старья,

Мужики-та богатые,
Мужики-та посадские
Оне жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонам пошли,
С честными подарками,
И понесли оне честныя подарки
Злата-серебра и скатного земчюга,
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича, —
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся,
И оне с ним раздорили,
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут ево разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

Небылица про щуку из Белого озера

Да худому-де горё да не привяжется,
Да тому-то де горюшко нонь привяжитцэ,
Ищо хто жо горё можот измыкати,
После матери горё перемыкати,
Да это не чудо да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу да подиковинне:
Да медведь-от летит да по поднебесью,
Да короткими лапами подмахиват,
Да коротким хвостиком подправливат.
Да это не чудо да не диковина,
Да я-то того почуднее скажу,
Почудне-то скажу да подиковенне:
Да корабль-от бежит да по сырой земли,
Да в тёмные леса да бицевой идут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.